

Оригинал	Перевод
<p style="text-align: center;">WAR OF CHANGE</p> <p style="text-align: center;">Chapter 1. Primae Impressionis.</p> <p>Часы на запястье едва слышными шагами стрелок отсчитывают время секунда за секундой. Отблески пламени, потрескивающего им в унисон, отражаются на стеклянном циферблате, искаженными длинными тенями ложатся на чистый лист бумаги вместе с моим рисунком.</p> <p>Время почему-то часто сравнивают с водой — может быть, в память о клепсидрах, ранее использовавшихся в Вавилоне до появления песочных часов. Сквозь крошечное отверстие на дне одного из сосудов, составляющих часть этого древнего изобретения, вода постепенно перетекала в другой сосуд — истекало время.</p> <p>Для меня время не течет, а шелестит, как переворачиваемые легким дуновением ветра тончайшие пергаментные страницы античного фолианта. Оно напоминает мне не воду, а воздух. Источник с водой может пересохнуть, воздух же неиссякаем — как и время. Хотя у всех нас — простых смертных, чье существование ограничено темпоральными рамками — однажды заканчивается и то, и другое, причем, как правило, одновременно. Когда-нибудь конец времени настанет и для меня, а пока я позволяю себе отнимать его у других, обрывая их жизни, когда мне это требуется. Количество дней моего пребывания на земле от этого не увеличится и не уменьшится — останется неизменным. Но ощущение власти, получаемое от контроля над чужим временем и воздухом, от возможности решать, когда и для кого им иссякнуть, ни с чем не сравнится. И мне оно, должен признать, нравится.</p> <p>Кончик карандаша оставляет на бумаге слишком широкий след: грифель затупился, и ему необходимо вновь придать требуемую для дальнейшего завершения эскиза острую</p>	<p style="text-align: center;">WAR OF CHANGE</p> <p style="text-align: center;">Chapter 1. Primae Impressionis.</p> <p>My wrist-watch is counting the time with barely audible steps of its hands, second by second. The sparks of the fire which crackle in unison with them are reflecting on a glass dial, their distorted long shadows are covering a blank sheet of paper along with my drawing.</p> <p>Time, for some reason, is always compared to water – perhaps in memory of clepsydras, previously used in Babylon before the sand-glasses. Water bit by bit was flowing from one of the vessels which constituted a part of this ancient invention, through the tiny hole at the bottom of it, into another – time was running out.</p> <p>For me, time does not flow; it rustles like the ancient folio's finest parchment pages turning by the faint breeze. It reminds me not of water, but of air. A water source may dry out, but air is inexhaustible – just like time. However, one day both of those things come to the end for all of us – mere mortals, whose existence is limited to a temporal scope – and, by the way, usually at the same time. Some day the end of time will come for me, but meanwhile I allow myself to take it away from others, ending their lives when I need it. The number of days of my stay on this Earth will not increase and will not decrease because of this – they will remain unchanged. But nothing compares to the sense of power derived from the control of other people's time and air, the opportunity to decide when and to whom they dry out. And I must admit, I like it.</p> <p>The tip of the pencil leaves a mark on the paper that is too wide: the lead has become blunt, and its sharpness needs to be restored before further completion of the sketch. I get</p>

форму. Я поднимаюсь со стула и направляюсь к небольшому письменному столу, где обычно занимаюсь рисованием. Сегодня вдруг захотелось изменить своей привычке и сделать кое-какие наброски не в свете лампы, а находясь лицом к естественному источнику света — огню, плененному в мраморных стенах классического камина. Для чего пришлось прихватить с собой увесистый том медицинской энциклопедии в твердом переплете, который послужил заменой идеальной поверхности столешницы. Среди горки простых карандашей различных степеней твердости, указанных микроскопическими цифрами у незаточенного края, покоится стандартный анатомический скальпель. Он-то мне и нужен: я никогда не пользуюсь точилками, которыми не добиться нужной остроты. Я беру тонкий хирургический нож и принимаюсь точить карандаш. Кусочки деревянной оболочки и черного грифеля аккуратной горсткой собираются на специально подложенном листке, который впоследствии станет саваном для этих крошечных останков, что отправятся в свой последний путь — мусорное ведро. Терпеть не могу неряшество, поэтому всегда избегаю скопления в доме малейшего сора.

Громкий настойчивый стук в дверь заставляет меня оторваться от своего занятия и бросить беглый взгляд на часы. Без четверти семь. Откладываю в сторону карандаш со скальпелем и беру в руки ежедневник. На странице с сегодняшней датой, где заброшен якорь шелковистой ленты-закладки, несколько пометок, и я веду указательным пальцем к последней, которая гласит: "19:00 Марго Верджер". Стук повторяется, и я ловлю себя на мысли, что на мою пациентку такое поведение крайне не похоже. Она является максимум минут за пять до назначенного времени, и если ее ожидает запертая дверь — не ломится внутрь с такой настырностью, а терпеливо ждет моего приглашения.

Я размеренным шагом пересекаю комнату, берусь за круглую ручку — пальцы ложатся на ее гладкую холодную поверхность и сжимают выпуклую деталь массивной

up from my chair and head to a small desk where I usually draw. Today I suddenly felt an urge to change my habit and decided to draw my sketches not using the light of the lamp, but facing a natural source of light — fire, trapped in the marble walls of the classic fireplace. I had to take a hardback edition of a medical encyclopaedia with me, which served as a substitute for the ideal surface of the desk. Among the pile of pencils of varying degrees of hardness, which are indicated in microscopical numbers near the unsharpened edge, there rests a standart anatomical scalpel. It is precisely the tool I need: I never use the sharpener, as it does not achieve the desired sharpness. I take the thin surgical knife and begin sharpening the pencil. Pieces of wood shell and black lead fall upon the carefully placed piece of paper below, which is going to become a shroud for these tiny remains later; they will soon go to their final destination — the trash can. I can't stand untidiness, so I always avoid congestion of even the slightest bit of litter in the house.

The loud insistent knock on the door makes me break away from my work and take a quick look at my watch. It's a quarter to seven. I set aside the pencil and scalpel to pick up my journal. On the page with the current date, where the anchor of silky ribbon is dropped, there are a few notes, and I lead the forefinger to the last, which says: "19:00 Margot Verger." The knock repeats, and I find myself thinking that such behavior is highly dissimilar to my patient. She arrives up to five minutes before the appointed time, so when she meets the locked door, she wouldn't force her way inside so emphatically, but rather wait patiently for my invitation.

I cross the room in measured steps, to rest my hand upon the round door-knob — my fingers lie on its smooth, cold surface and squeeze this convex part of a massive oak

дубовой двери так же уверенно, как до этого сжимали скальпель, затачивая карандашный грифель. Поворачиваю вправо и тяну на себя, одновременно натягивая на лицо сдержанно улыбающуюся маску вежливости. Дверь гостеприимно распахивается, являя взору ждущего в приемной пациента оправдание, награду его ожиданий — всегда приветливого, всегда радого (по крайней мере, с виду складывается именно такое впечатление) встрече доктора. Ан нет, по другую сторону дверного проема вовсе не мой пациент, а лицо, которое я вижу впервые. Но тем не менее, точно знаю, кем это лицо является.

— Мистер Верджер, я полагаю, — своим обычным, лишенным каких-либо явных эмоций тоном произношу я, но брови мои при этом приподнимаются, а глаза слегка расширяются. На мгновение, не более, ведь непритворное изумление длится ровно такой краткий промежуток времени. Я изображаю удивление, а не испытываю его. Рано или поздно Мэйсон Верджер, брат моей постоянной пациентки, должен был явиться ко мне с визитом, и я этого ожидал. Отступаю на шаг назад и жестом приглашаю гостя внутрь. — Прошу, проходите.

— Марго не смогла прийти сегодня на прием, — разводит руками молодой человек, сообщая и без того очевидное.

Он с любопытством окидывает взглядом интерьер моего офисного помещения, а я тем временем осматриваю его. Первым делом внимание привлекает бесспорное семейное сходство — как и Марго, Мэйсон обладает балтийским типом внешности европеоидной расы. Но в отличие от своей сестры, всегда собранной и неизменно элегантной, этот юноша больше напоминает малолетнего разгильдяя. Светлые волосы непослушными вихрами торчат в разные стороны, и я уверен, это их естественное состояние, а не искусственно созданный художественный беспорядок, столь модный в нынешнее время среди молодежи. В голубых глазах то и дело

door, just as confidently as they had previously squeezed the scalpel that sharpened the pencil lead. I turn the door-knob clockwise and pull the door towards me, at the same time pulling a frostily smiling mask of politeness over my face. The door opens, both beckoning and revealing the eyes of an expectant patient in the waiting room, a reward of his expectations – the doctor who is always affable, always glad (at least, such an impression is formed by sight) to meet him. But no, on the other side of the doorway there stands not my patient, but a stranger I am seeing for the first time. Nevertheless, I know exactly who this person is.

– Mr. Verger, I presume, – I say in my habitually unemotional tone, but at the same time raising my eyebrows, and slightly widening my eyes. These mannerisms occur for no longer than a moment, as genuine astonishment is only fleeting. I portray the surprise, but I do not feel it. It was only a matter of time before Mason Verger, my loyal patient’s brother, would come to visit me. I expected it. I take a step back and gesture at my guest to enter. – Please, come in.

– Margot wasn’t able to attend today’s appointment, – a young man gestures his hands whilst stating the obvious.

He glances around the interior of my office space curiously, whilst my gaze remains locked on him. The first thing that attracts my attention is the undeniable family likeness – as well as Margot Mason, he is Caucasian with a Baltic twist. But unlike his sister, who is always accurate and always elegant, the young man is rather dishevelled in his appearance. Unruly tufts of blond hair stick out in every direction, but I am sure this is their natural state, rather than an artificially created, artistic mess, that is all too fashionable and popular among today’s youth. A mischievous gleam flashes in his blue eyes every now and then, as if Verger

вспыхивает озорной блеск, словно Верджер в данный момент мысленно затевает очередную шалость — что, кстати говоря, не исключено. Ребенок, нацепивший на себя костюм отца и для пущей убедительности своей “взрослости” надушившийся его парфюмом. Пусть костюм сидит на нем идеально, — наверняка шит на заказ, как и большинство моих собственных, — а аромат туалетной воды достаточно утончен, чтобы усладить мои обонятельные рецепторы, факт остается фактом. Мэйсон Верджер — просто ребенок. Большой ребенок, к тому же не отличающийся изысканностью манер.

— Я успел заметить, — деликатно отвечаю я, не сводя взгляда со своего невоспитанного посетителя, который бесцеремонно плюхнулся в одно из кресел в центре комнаты прежде, чем я сам успел предложить ему присесть. — Ваша сестра плохо себя чувствует?

Я сажусь в свободное кресло напротив и сцепляю пальцы в замок на уровне груди, локтями упираясь в обтянутые кожей подлокотники. Легкая улыбка призвана скрыть нарастающее чувство враждебности, которое вызывает во мне человеческая неблаговоспитанность, коей мой собеседник наделен сполна.

— На самом деле, она не смогла прийти к Вам на прием в буквальном смысле, потому что сломала обе ноги! — Блондин с истинно ребяческим восторгом всплескивает руками и издает короткий смешок, резко ударяющий по барабанным перепонкам. — Малышка Марго свалилась со взбрыкнувшей лошади. А ведь сколько раз я говорил, что ей нужно больше времени проводить в кругу семьи, а не с этими глупыми животными, — он недовольно сжимает губы и поворачивает голову в сторону, невидящим взглядом упираясь в портьеры на одном из окон. Это длится всего несколько секунд, спустя которые Мэйсон вновь обращает свое лицо с по-детски пухлыми щеками ко мне и одаривает широкой улыбкой. — Так вот, поскольку она не смогла явиться на сеанс, который, между прочим оплачиваю я, я решил, что имею полное право

is currently making his mind up about whether to play another prank — which, incidentally, cannot be excluded. A child that put on his father’s costume and cologne for his "adulthood" to be more convincing. Though that costume suits him perfectly, — it’s probably custom-made, like most of my own costumes, — and the aroma of his cologne is refined enough to sweeten my olfactory receptors. The fact remains, Mason Verger is just a child. A grown-up child, who, moreover, cannot boast of being well brought up.

— I had noticed, — I say delicately, without taking my eyes from my ill-mannered visitor, who unceremoniously dropped into one of the chairs in the center of the room, before I had time to offer him a seat personally. — Is your sister not feeling well?

I sit down in an empty chair opposite to Mason, my hands clasped in a lock at breast height, elbows resting on the leather-covered armrests. A slight smile washes over my face, designed to hide a growing sense of hostility; usually triggered by a lack of manners, which is my interlocutor’s undoubtedly distinguishing feature.

— In fact, she was not able to come to you for an appointment *sensu stricto*, because she broke both of her legs! — Blondie clasps his hands with truly childish delight and makes a short laugh, which sharply strikes my eardrums. — Little Margot fell from a horse that kicked her off. I don’t know how many times I’ve told her about spending more time with her family and not with those stupid animals — he purses his lips in displeasure and turns his head away, resting a vacant gaze on some curtains that lay against one of the windows. This lasts only a few seconds, after which Mason turns his face, with childishly plump cheeks, to me again and favors me with a wide smile. — Well, since she was unable to appear at this session, which by the way I pay for, I figured that I have every right to replace her

заменить ее и познакомиться, наконец, лично с доктором, оказывающим такое благотворное влияние на психическое здоровье моей дражайшей сестрицы.

— Передавайте мисс Верджер мои искренние пожелания скорейшего выздоровления, — еще одна сухая фраза-клише из моих уст, которую полагается давать в ответ на такого рода печальные известия согласно этикету. — Надеюсь, в недалеком будущем состояние Марго позволит нам с ней продолжить терапию.

— О, боюсь, она еще долго не сможет проходить у Вас терапию, доктор, — с сожалением в голосе изрекает молодой человек, но признаков сострадания на его лице я не замечаю. Он вряд ли испытывал подобное чувство к сестре, да и вообще к кому-либо. Что ж, ничего удивительного, тесное знакомство с процессом забоя крупных парнокопытных несомненно наложило свой отпечаток на психику этого индивидуума еще в детстве. — Если только Вы не согласитесь посещать ее на дому.

Мэйсон располагается в кресле в позе “американская четверка” — одна из достаточно широко расставленных ног ложится перпендикуляром на другую. Кончики пальцев соединены, “шпиль” который они образуют из ладоней, направлен вверх. А это означает, что Верджер настроен воинственно и не собирается покидать мой дом с отрицательным ответом на свое предложение. Он уже заранее принял решение за меня. Какое невежество. Этот большой ребенок не только груб, но еще и бескомпромиссно капризен.

— Возможно, у меня получится внести некоторые коррективы в свой график, — пожимая плечами, произношу я. Почему бы и нет? Я всегда открыт для нового опыта, да и доступ в резиденцию Верджеров мне может оказаться полезен. Поднимаюсь со своего места и останавливаюсь за спинкой освободившегося кресла, легонько постукивая

and finally get to know the doctor, that provides such a beneficial effect on the mental health of my dearest sister.

– Send my best regards and sincere wishes for a speedy recovery to Miss Verger, – another chilly cliched phrase spills out of my mouth; a phrase which is supposed to be a warm, comforting response to his rather unfortunate news, according to etiquette. – I hope that in the near future Margot’s state of health will allow us to continue therapy.

– Oh, I’m afraid it will be a great while until she will be able to return to your therapy, doctor, – utters a young man with regret in his voice, but no noticeable signs of compassion on his face. He has hardly experienced a similar emotion towards his sister, or anyone else for that matter. Well, it comes as no surprise; having such a close acquaintance with the slaughter of large artiodactyls undoubtedly left its mark on the psyche of this individual as far back as his childhood. – Unless you agree to visit her at home.

Mason makes himself comfortable in a chair adopting the position named "american four" – one of quite widely spaced legs lies perpendicular to the other. His fingertips are put together; "spire", which they constitute of his palms, facing up. This means Verger is inclined to be bellicose, and he’s not going to leave my house with a negative response to his offer. He has already made my mind up for me. Such ignorance. This grown-up child is not only rude, but also uncompromisingly capricious.

– Perhaps, I can manage to make some changes in my schedule, – I say, shrugging my shoulders. Why not? I’m always open to new experiences, and access to the Verger’s residence can be useful for me. I get up from my armchair to stand behind it, gently tapping its surface with my fingers. – Can I offer you something to drink, Mason? And

пальцами по ее поверхности. — Могу я предложить Вам что-нибудь выпить, Мэйсон? И мы обсудим детали дальнейшего лечения Марго, учитывая столь прискорбные обстоятельства.

— Вряд ли в Вашей коллекции спиртных напитков имеется коктейль “Лучше бы ты взяла шоколадку, Марго”, доктор Лектер. Его уникальный состав разработал я сам. Сорок миллилитров сухого мартини, столько же джина и капля слезы моей сестры, — Мэйсон вновь оглашает тишину моего кабинета своим неровным хриплым смехом.

— В природе существует несколько видов моли, к примеру, мадагаскарская моль *Hemiceratoides hieroglyphica* и *Mecistoptera griseifusa*, которые в ночное время пьют слезы птиц и даже некоторых крупных животных. Таким образом они восполняют недостаток жидкости в своем организме, — завершив фразу, я делаю небольшую паузу, чтобы акцентировать внимание на последующем вопросе. — А какие соображения заставляют Вас совершать то же самое?

— Вы только что сравнили меня с мелким крылатым вредителем, доктор? — кажется, блондин даже на мгновение опешил, высказав свое предположение. Мой отрицательный кивок успокаивает его зарождающееся возмущение, и прежде, чем я успеваю что-либо сказать, Верджер выдает тираду в ответ на мой вопрос: — Я считаю слезы божественным даром. Вроде манны небесной. Просто грех такому благу пропадать напрасно. Вы когда-нибудь пробовали на вкус чьи-нибудь слезы? Попробуйте. Такой гурман, как Вы, должен оценить.

О, я уже оценил. То изящество, которое вначале было непосто разглядеть за беспорядочным нагромождением грубости и бесцеремонности. Редчайший случай, когда мое изначальное впечатление, похоже, оказалось обманчивым. Возможно, Мэйсон Верджер гораздо способнее, чем кажется на первый взгляд. Ему просто нужно указать верный путь, направить... заманчивая возможность, от которой так сложно

we will discuss the details of Margot's further treatment, considering such unfortunate circumstances.

– I doubt whether your collection of alcohol includes a cocktail called "You should've taken a chocolate, Margot", Dr. Lecter. I invented its unique formulation myself. Forty milliliters of dry martinis, the same amount of gin and a drop of my sister's tears, – Mason's rough, husky laughter rises grandly through the silence of my office again.

– In nature, there are several species of moth, for example, Madagascar moth *Hemiceratoides hieroglyphica* and *Mecistoptera griseifusa*, which drink the tears of birds and even some of the large animals at night. They fill the deficiency of liquid in their body in such a way, – I make a small pause, completing the sentence, to focus on the following question. – What is your reason for doing the same thing?

– Have you just compared me to a small winged pest, Doctor? – it seems that blondie has even been taken aback momentarily, coming out with his suggestion. My negative nod calms his incipient indignation, and before I have time to say anything, Verger unleashes a tirade in response to my question: – I regard the tears as a divine gift. Like manna from heaven. It's just a sin to waste such a blessing. Have you ever tasted someone's tears? Go on, give it a try. Such a gourmet as you should evaluate it.

Oh, I already did. I evaluated that elegance, which was not so easy to discern at first sight because of rudeness and arrogance, all huddled together one on the other disorderly. Rarest case when my initial impression was apparently deceptive. Perhaps Mason Verger is much more talented than it seems at first glance. He just needs to be shown the right path, he needs to be directed... what a tempting opportunity,

отказаться.

— Энофил, — поправляю собеседника я и на его недоумевающий взгляд выдаю пояснение:

— Энофил является более точным определением для непрофессионала, любящего и ценящего вино. Как насчет бокала коллекционного итальянского *La Scolca Gavi d'Antan* урожая 2000-ого года? Превосходный маслянистый вкус с фруктово-кислотным оттенком.

— Я обычно не изменяю своим вкусовым предпочтениям, док... — задумчиво протягивает Мэйсон. Док? Мне не послышалось это фамильярное обращение в мой адрес? — Но, как любил говорить мой папа, сохранять старые привычки хорошо, однако и пробовать что-то новое тоже нужно.

Я киваю и удаляюсь из кабинета, чтобы спуститься в подвал за бутылкой вина, доставшейся мне после долгих торгов на аукционе. Попутно размышляю о покинутом непрошенном госте и анализирую впечатления от знакомства. Что за противоречивые чувства он во мне вызывает!.. С одной стороны так и хочется взять оставленный на столе скальпель и одним точным движением рассечь язык Верджера надвое — тогда он бы больше соответствовал произносимым с его помощью ядовитым словам. С другой же стороны этот молодой мужчина, несмотря на свое откровенно хамское поведение, — внутренний голос подсказывает, что оно намеренное... в какую игру ты играешь, Мэйсон? — обладает неким очарованием, скрытым талантом, который я мог бы высвободить и довести до совершенства...

Когда я возвращаюсь с бутылкой *La Scolca Gavi d'Antan* и двумя бокалами обратно, то обнаруживаю, отсутствие моего светловолосого визитера. Ушел, не попрощавшись? Как невежливо с его стороны. Но стоит ли этому удивляться?

Я понимаю, что снова ошибся на его счет, когда поворачиваюсь к столу, чтобы поставить на него не нужные более сосуды —

so difficult to refuse.

— Oenophile, — I correct my interlocutor and give an explanation in response to his puzzled glance: — Oenophile is a more precise definition for the amateur who loves and appreciates wine. How about a glass of the Italian collection *La Scolca Gavi d'Antan* harvested in 2000? Great buttery flavor with a hint of fruit and sourness.

— I usually do not change my taste preferences, Doc ... — Mason says wistfully. Doc? Did I really hear this unceremonious form of address? — But, as my Dad liked to say, it's good to keep old habits, however, it's also necessary to try something new.

I nod and leave my office to go down to the cellar for a bottle of wine, which I won after a long bidding war at an auction. Along the way, I keep thinking about the uninvited guest I've left and analyzing the impressions of my acquaintance with him. Oh what mixed feelings he evokes in me!.. On the one hand, I have an urge to take a scalpel from the table and cut Verger's tongue in two halves in a single, precise movement — then it would be more in line with the poisonous words, pronounced with the help of it. On the other hand, this young man, despite his openly boorish behavior, — inner voice tell me that it is intentional ... what game are you playing, Mason? — has a certain charm, a hidden talent that I could set free and brew to perfection...

When I come back with a bottle of *La Scolca Gavi d'Antan* and two glasses, I discover my fair-haired visitor's absence. He has left without saying goodbye? How rude of him. But should this be surprising?

I learn that I was wrong about him again, when I turn to the table to put down the no longer needed vessels — with and for wine.

с вином и для вина. Поверх стопки листов с рисунками располагается мой сегодняшний набросок. Карандашное изображение Александра Великого верхом на слоне, заимствованном у персидской армии. Я не успел дорисовать силуэт животного, отвлеченный стуком в дверь, но Мэйсону хватило наглости сделать это за меня. Вместо млекопитающего из отряда хоботных на завершеном не мной эскизе красуется корявое очертание, по всей видимости, боевой свиньи... интересно, автор знал о том факте, что в античности против боевых слонов действительно успешно использовались боевые свиньи, заставлявшие тех своим визгом бросаться в бегство и затаптывать своих же воинов? Или это просто проявление нарциссизма вкупе с эгоцентризмом в попытке отождествления себя с прославленным македонским правителем? Перевожу взгляд ниже изображения, где подпись, служащая прощанием, гласит: *“Простите, неотложные дела вынудили меня уйти, не дождавись обещанного угощения. Знаете, это был не лучший из Ваших рисунков, доктор Лектер. Пока я его не исправил. М. В.”*

Каков наглец, думаю я, комкая испорченную Верджером рисованную миниатюру, и на четверть заполняю бокал искрящимся золотисто-желтым вином. Нужно заняться его перевоспитанием. Любопытно, что из этого получится.

On top of a pile of sheets with drawings, my current sketch lies. Pencil image of Alexander the Great riding an elephant, which was taken from the Persian army. I did not have time to finish the silhouette of the animal, distracted by a knock on the door, but Mason turned out to be impudent enough to do it for me. Instead of a Proboscidea mammal on the sketch, completed not by me, there flaunts a clumsy shape of, apparently, combat swine... I wonder, whether the author was aware of the fact that in antiquity combat swine had been really successfully used against elephants, forcing the ast ones to bound away in all directions and tread down their own soldiers with their scream. Or is it simply a display of narcissism, coupled with egocentrism, in an attempt to identify himself with the famous Macedonian ruler? I look below the image, where the caption, which serves as a farewell, says: *"Excuse me, urgent business has forced me to leave without waiting for the promised treats. You know, it was not the best of your drawings, Dr. Lecter. Till I fixed it. MV "*

What an insolent fellow, I think to myself, crumpling the hand-drawn miniature, spoiled by Verger, and filling a quarter of the glass with sparkling golden-yellow wine. He needs to be reeducated. I wonder what he could've possibly got out of this.